

СПЕЦИФИКА НАДПИСЕЙ НА АРУМЫНСКИХ НАДГРОБИЯХ В МАКЕДОНИИ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Иван Игоревич Казаков

Институт славяноведения РАН

32-А Ленинский пр., Москва, Россия

ivan.kazakov.1999@gmail.com

Александра Игоревна Чиварзина

Институт славяноведения РАН

32-А Ленинский пр., Москва, Россия

a.chivarzina@inslav.ru

Аннотация: Предметом настоящего исследования является анализ лингвистических особенностей эпитафий на надгробиях владшских кладбищ городов Крушево и Битола и арумынских сел в этих округах (Северная Македония). Многочисленные кросс-культурные контакты, характерные для Балканского региона, и межнациональные браки приводят к сокращению числа активных носителей арумынского и его постепенному исчезновению. Надписи на надгробиях отражают социолингвистическую ситуацию исследуемого региона и позволяют проследить, какое место в ней занимают арумыны и арумынский язык. Полевые исследования показали, что эпитафии на арумынском встречаются лишь эпизодически: обнаружено 32 таких надгробия. Анализ этих немногочисленных надписей позволяет не только охарактеризовать языковые особенности данного диалекта, но и выявить влияние других языков и культур на арумынскую традицию и язык (в частности, престижного македонского языка). В то же время обнаруживаются довольно высокий уровень этнического самосознания и стремление обособить свою традицию. Так, элементы арумынской традиции проявляются в использовании владшских прозвищ, латинского алфавита при записи македонских антропонимов, а также в смешении кириллической и латинской графики. Кроме того, при выборе языка эпитафий могут играть роль церковные рекомендации. Анализ надгробных надписей демонстрирует сложные процессы языковой и культурной адаптации арумын в современном македонском обществе.

Ключевые слова: арумынский язык, македонский язык, Македония, Крушево, владхи, похоронно-поминальная традиция, эпитафии.

Благодарности: Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484-П «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении», руководитель А.А. Плотникова <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

Для ссылок: Казаков И., Чиварзина А. Специфика надписей на арумынских надгробиях в Македонии (социолингвистический и этнокультурный аспекты) // Антропологический форум. 2025. № 65. С. 154–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-154-172

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/kazakov_chivarzina.pdf

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2025, NO. 65

THE SPECIFICITY OF INSCRIPTIONS ON AROMANIAN TOMBSTONES IN MACEDONIA (SOCIOLINGUISTIC AND ETHNOCULTURAL ASPECTS)

Ivan Kazakov

Institute of Slavic Studies, RAS

32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia

ivan.kazakov.1999@gmail.com

Alexandra Chivarzina

Institute of Slavic Studies, RAS

32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia

a.chivarzina@inslav.ru

Abstract: This study examines the linguistic features of epitaphs on tombstones in Vlach cemeteries in Krushevo, Bitola, and surrounding Aromanian villages in North Macedonia. The Balkans are known for their cultural diversity and intermarriage, which has led to the decline of Aromanian, a minority language spoken in the region. The epitaphs on these tombstones provide a glimpse into the sociolinguistic situation of Aromanians in this area. Field research found that epitaphs in Aromanian are exceedingly rare, with only 32 such inscriptions identified. Despite their scarcity, these examples provide a unique opportunity to analyse the linguistic features of Aromanian while also highlighting the influence of other languages and cultures on its traditions. Macedonian, as the dominant and socially prestigious language today, exerts a particularly strong influence on Aromanian. At the same time, the epitaphs reflect a strong sense of ethnic identity among the Aromanians, who find alternative ways to preserve their cultural heritage. This is evident in the use of Vlach nicknames, the Latin alphabet for transcribing Macedonian names, and the blending of Cyrillic and Latin scripts. Church recommendations may influence the choice of language for epitaphs. The analysis of tombstone inscriptions sheds

light on the complex processes of linguistic and cultural adaptation among Aromanians in contemporary Macedonian society.

Key words: Aromanian language, Macedonian language, Macedonia, Kruševo, Vlachs, funeral and memorial rituals, epitaphs.

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00484-П “Slavic-non-Slavic Borderlands: Funeral and Memorial Rites in an Ethno-Linguistic Light”.

To cite: Kazakov I., Chivarzina A., ‘Spetsifika nadpisey na arumynskikh nadgrobiyakh v Makedonii (sotsiolingvisticheskiy i etnokulturnyy aspekty)’ [The Specificity of Inscriptions on Aromanian Tombstones in Macedonia (Sociolinguistic and Ethnocultural Aspects)], *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 65, p. 154–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-65-154-172

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/065/kazakov_chivarzina.pdf

Иван Казаков, Александра Чиварзина

Специфика надписей на арумынских надгробиях в Македонии (социолингвистический и этнокультурный аспекты)

Предметом настоящего исследования является анализ лингвистических особенностей эпитафий на надгробиях влашских кладбищ городов Крушево и Битолы и арумынских сел в этих округах (Северная Македония). Многочисленные кросс-культурные контакты, характерные для Балканского региона, и межнациональные браки приводят к сокращению числа активных носителей арумынского и его постепенному исчезновению. Надписи на надгробиях отражают социолингвистическую ситуацию исследуемого региона и позволяют проследить, какое место в ней занимают арумыны и арумынский язык. Полевые исследования показали, что эпитафии на арумынском встречаются лишь эпизодически: обнаружено 32 таких надгробия. Анализ этих немногочисленных надписей позволяет не только охарактеризовать языковые особенности данного диалекта, но и выявить влияние других языков и культур на арумынскую традицию и язык (в частности, престижного македонского языка). В то же время обнаруживаются довольно высокий уровень этнического самосознания и стремление обособить свою традицию. Так, элементы арумынской традиции проявляются в использовании влашских прозвищ, латинского алфавита при записи македонских антропонимов, а также в смешении кириллической и латинской графики. Кроме того, при выборе языка эпитафий могут играть роль церковные рекомендации. Анализ надгробных надписей демонстрирует сложные процессы языковой и культурной адаптации арумын в современном македонском обществе.

Ключевые слова: арумынский язык, македонский язык, Македония, Крушево, влахи, похоронно-поминальная традиция, эпитафии.

В румынской историографической и лингвистической традиции арумыны рассматриваются как носители одного из диалектов общерумынского языка (*româna comună*) [Guia 2014: 161]. В качестве самоназвания арумыны используют этноним, восходящий к латинской лексеме *romanus* 'римский', — *armân* [Djuvara 2012: 18]. По отношению к арумынам в славянских и неславянских балканских языках используются и другие этнонимы. Так, наиболее распространенным и общим названием арумын в македонском является этноним *влав* (мн.ч. *власи*, *влашки* 'арумынский язык'). Существует мнение, что пришедшие на Балканы в VI в. славяне использовали термин **vlav* по отношению к романскому населению [Бошкоски 2002: 18]. Так, если сравнить данные разных славянских языков, то можно заметить, что данный корень используется в разных языках для обозначения романоязычных этнических групп: ср. серб.-хорв. *влах*, слов. *läh*, чеш. *valaši* и словац. *v(a)lasi* 'арумыны', пол. *włoch* 'итальянец', *Włochy* 'Италия'. Согласно общепринятой этимологической версии, данный

Иван Игоревич Казаков
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
ivan.kazakov.1999@gmail.com

Александра Игоревна Чиварзина
Институт славяноведения РАН,
Москва, Россия
a.chivarzina@inslav.ru

корень является ранним заимствованием из германских языков: ср. нем. *Welsch* ‘романский’, гот. *Walhs*, старонем. *Walah*, сред.-нем. *Walh*, англ. *Wales*, первоначально обозначавшие кельтское, а впоследствии романизированное население [БЕР 2007: 163–164].

Другим распространенным названием в Македонии выступает мак. *Цинцари*. В основе этого онима лежит представление о широком использовании аффрикаты *ts* в арумунском. Уничительное *Цинцари* может относиться не только к носителю арумунского идиома, но и к любому деловому и успешному человеку. Еще одно пейоративное наименование арумын — мак. *Куцовласи* (букв. «хромые влахи»). Этнонимы, отражающие внешний вид и, в частности, основной цвет одежды, содержат в своей структуре тюркские корни: *Каравласи* (букв. «черные влахи»), *Карагуни* (букв. «черные гуны», сельская теплая верхняя одежда черного цвета), *Каравунци* (букв. «носящие черную шерсть»), *Каракачани* (букв. «черные из Качани»). Влашские племена скотоводов, содержащие в своем этнониме колороним *кара* (тюр. *kara* ‘черный’), противопоставлены городским жителям — мак. *Бели власи* (букв. «белые влахи») [Бошкоски 2002: 17]. В разных балканских языках есть и другие многочисленные наименования: ср. алб. *vllah*, *çoban* ‘арумын’ (букв. «пастух»), тур. *çoban* ‘арумын’, греч. *βλαχοφον* ‘арумын’ (букв. «говорящий по-влашски») и др.

Кроме того, сам этноним *влах*¹, будучи общим названием предков всех восточнороманских народов в ряде языков [Русаков 2006], широко используется также по отношению к румыноязычному населению Восточной Сербии², поэтому, чтобы избежать путаницы, мы ограничимся терминами *арумыны* и *арумынский язык*.

Проблема этногенеза арумунского населения до сих пор не решена. З. Голомб предполагает, что до VI в. северная часть Балканского полуострова, в частности территории между сегодняшними Белградом, Нишем, Софией и Скопье, была романизирована. С приходом славянского населения в VI в. эта центрально-балканская романская популяция была разбита на две части. Одна часть двинулась к северу от Дуная, другая переселилась в южном направлении. Именно горные хребты Пинда

¹ Подробнее о происхождении термина *влах* см.: [Иванов, Топоров 2024].

² Как и в случае с арумунским, мнения по поводу языка романоязычного населения Сербии расходятся: румынские лингвисты рассматривают этот идиом как тимочский диалект румынского языка, в то время как ряд носителей идиома добиваются его признания как отдельного балканороманского языка. Подробнее о языке и традиционной народной культуре влахов Восточной Сербии см.: [Сикимич 2003; Sorescu-Marinković 2006; Голант 2014; Голант, Рыжова 2020; Голант, Струтинский 2023].

и Эпира считаются прародиной современных арумын [Gołąb 1984: 9].

Отгонное скотоводство в течение долгих веков оставалось основной хозяйственной деятельности арумын. Регулярные сезонные миграции пастухов способствовали постоянным активным межъязыковым контактам и вследствие этого лексическим заимствованиям¹. После завоевания Балкан османами постепенно устанавливаются государственные границы и ограничиваются перемещения между летними и зимними пастбищами. С этого времени арумыны стали селиться в городах, где становились торговцами и ремесленниками. Одним из возникших в этот период арумынских крупных торговых и культурных центров был город Мосхополь (или Москополь / арум. *Muscórpule*, рум. *Moscopole*, греч. *Μοσόπολις*, алб. *Voskopojë*) на юге современной Албании [Марковиќ 2014: 465–466]. В городе работала типография, функционировали школы с преподаванием на арумынском языке, работали деятели культурного возрождения, охватившего в XVIII–XIX вв. подвластные Османской империи народы. Однако из-за постоянных разрушительных набегов в период правления Али-паши Тепеленского арумынам пришлось покинуть свой некогда богатый город. Арумынская миграция в область современной Македонии шла из нескольких экономических и культурных центров Пинда и Эпира, но Мосхополь сыграл ключевую роль и отложился в исторической памяти народа как точка исхода.

Переселение арумын на юго-запад Северной Македонии в долину Пелагонии происходило в несколько волн в конце XVIII — начале XIX в. [Матковски 1978: 17]. По мнению некоторых исследователей, город Крушево на юго-западе современной Северной Македонии был основан арумынами. Это противоречит другим источникам, которые находят подтверждение существования горного поселения до появления в нем романского населения [Јосифовска 2019]. Тем не менее на сегодняшний день Крушево считается центром арумынского языка и культуры на Балканах. Здесь по-прежнему активно используется арумынский в повседневном общении горожан, что было отмечено во время полевой работы авторов (2022, 2023 гг.). Данные переписи 2021 г. свидетельствуют о том, что в городе проживают около 4 тыс. жителей, из которых примерно тысяча арумын².

¹ Подробнее о межкультурных и межъязыковых контактах в диахроническом и синхроническом срезе см.: [Bara et al. 2005; Варади, Прелић 2023].

² См.: MAKSTAT database <https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat__Popisi__Popis2021__NaselenieVkupno__PodatociNaselenie/T1503P21.px/>.

Одним из крупнейших романоязычных анклавов на территории Македонии является влашское население городского округа Битола. Так, фестиваль арумынского языка и культуры ежегодно проводится в арумыноязычном селе Маловиште (арум. *Mulovishte*), которое было основано в XVIII в. беженцами из Южной Албании и греческого Грамоса (Γράμος). Постоянное население Маловиште составляет около 50 жителей, но в выходные и праздничные дни их количество может значительно увеличиться. В окрестностях города Битолы находятся также села Тырново, Нижеполе и Магарево, где проживает смешанное македонское, албанское и арумынское население [Кънчов 1900: 104–105]. По статистическим данным начала XX в., в этих селах большинство населения было представлено арумынами [Там же: 240].

Македонская исследовательница Е. Ячева-Улчар, обращаясь к материалам З. Голомба, замечает, что на современном этапе арумыны ассоциируют себя с гражданами той страны, в которой проживают. Многочисленные кросс-культурные контакты и межнациональные браки привели к развитию мультилингвизма и языковой интерференции [Ячева-Улчар 2022: 82–83], что способствовало постепенному сокращению числа активных носителей арумынского идиома¹. Актуальные социолингвистические исследования среди молодого арумынского населения также свидетельствуют о скоротечном, хотя и не полном исчезновении носителей языка [Šatava 2013: 23]. На сегодняшний момент арумынский язык внесен ЮНЕСКО в список исчезающих², при этом в Северной Македонии издаются словари и учебники, ведется телерадиовещание на арумынском, проводятся просветительские мероприятия по сохранению арумынского языка как нематериального культурного наследия [Службен весник 2009].

В 2022–2023 гг. авторами проведены две этнолингвистические экспедиции к арумынам Северной Македонии. Основной целью полевой работы было изучение особенностей похоронно-поминального обряда среди влашского населения. Полученные результаты в ходе исследования влашских кладбищ в городах Крушево и Битола и арумынских селах в этих округах не только представляют интерес с точки зрения этнолингвистики, но и приносят ряд важных лингвистических и социолингвисти-

¹ По опубликованным данным последней переписи населения 2021 г. в Северной Македонии, 0,47 % населения записало себя арумынами (мак. *ароманци, власи*), и только 0,17 % указало, что владеет арумынским как родным (мак. *аромански, влашки*) <https://makstat.stat.gov.mk/PXWeb/pxweb/mk/MakStat/MakStat_Popisi_Popis2021_NaselenieVkupno_NaseleniePopis2021_EtnoKulturni-Karakteristiki/T1015P21.px/table/tableViewLayout2/>. Об уровне владения арумынским среди молодого поколения см. подробное социолингвистическое исследование: [Šatava 2013].

² См.: <https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_endangered_languages_in_Europe#North_Macedonia>.

ческих сведений. В контексте изучения языкового ландшафта надгробные надписи имеют исключительное значение. Поскольку надгробие становится последним артефактом жизни человека, представляется, что выбор языка (и его особенностей) для написания эпитафии в большинстве случаев неслучаен и в связи с этим оказывается репрезентативным для социолингвистического исследования.

Эмпирическую базу исследования составляют фотографии надгробных памятников, сделанные авторами во время посещения влашских кладбищ для последующего анализа надгробных надписей. Для идентификации надписей на арумынском языке и их отделения от надписей на македонском (и других южнославянских языках), а также на румынском учитывались следующие параметры: графика, с помощью которой выполнена надпись; лексико-грамматические и орфографические особенности надгробной надписи; особенности антропонима, в частности финаль фамилии усопшего; период рождения и смерти усопшего. Собранный нами выборка, а именно 530 зафиксированных надгробных надписей на влашских кладбищах (310 — в Крушево, 190 — в Битоле, 20 — в Маловиште и 10 — в Нижеполе), позволяет выявить ряд тенденций в традиции выполнения надгробных надписей как в Битольской области, так и в Крушево.

Языки и графика

Языковой состав зафиксированных надписей отражает социолингвистическую ситуацию исследуемого региона, а также изменения, происходившее в ней с конца XIX в. по сегодняшний день. Были обнаружены надписи на македонском, арумынском, греческом, сербском (причем как на екавице, так и на иекавице¹) и румынском языках, а также болгарские элементы на македонских надгробиях, а именно болгарские финали антропонимов². Орфография и пунктуация источника сохраняется³.

Точный подсчет числа надгробий на сербском и македонском языках оказывается невозможным, поскольку при отсутствии сопровождающих надписей из графики самого антропонима не всегда ясно, используется ли в нем сербская или македонская

¹ Два стандартных типа произношения сербскохорватского языка.

² Несмотря на то что основными суффиксами при образовании фамилий на македонском языке являются как *-ев/-ов*, так и *-овски/-евски*, для юго-западного региона Македонии наиболее характерны последние финали, поэтому найденные примеры на *-ов/-ев* можно считать результатом болгарского влияния в период оккупации этой части Македонии (1915, 1941–1944): ср. *Важаров*, *Димов*, *Тренков*: [Ивановски 2002; Жачева-Улчар 2022].

³ Расшифровка надписей проводилась лично авторами статьи. Выражаем глубокую признательность И.О. Никитиной за консультацию при расшифровке надписей с греческого языка.

кириллица. При этом в большинстве случаев на надгробиях присутствуют сопровождающие надписи, например *тука почива* («здесь покоится»), *од фамилијата* («от семьи») или с более конкретным указанием *од синот*, *од браќата* («от сына», «от братьев») и т.д. Таким образом, точно можно установить, что большая часть надписей сделана на македонском языке, в том числе в случае арумынских захоронений. Надписи, которые можно однозначно отнести к примерам на сербском языке, были обнаружены на двух надгробиях на кладбище в Крушево. В следующих примерах встречается сербская кириллица:

(1) *Овде почивају смртни остаци / Косте Јовановића / Каф. у Београду / код «Два Јелена» / рођ. 1888. Пресели се у вечност 29 јула 1930. / Споменик му подижу његови добротвори Катарина и Алексо Михајловић из Београду / и супруга Мила* [Здесь покоятся бранные кости / Косте Йовановича / кафе в Белграде / у «Двух Оленей» / род. 1888. Переселился в вечность 29 июля 1930. / Памятник воздвигли его благодетели Катарина и Алексо Михайлович / и супруга Мила].

(2) *Ту почива Перић Живко (1984–1987) / Сине! Тешко нам је вјеровати / у истину да тебе више нема међу нама. / Неутешливи / мама Слабица тата Драгомир / брат Ацко и сестра Сања* [Здесь покоится Перич Живко (1984–1987) / Сын! Нам тяжело поверить / в то, что тебя больше нет среди нас. / Безутешные / мама Слабица, папа Драгомир / брат Ацко и сестра Саня].

Значительно больше надгробий, где встречаются элементы сербской латиницы (отдельные графемы в арумынских антропонимах).

Было найдено четыре надгробия на греческом языке в Крушево и одно в Битоле. Присутствие надписей на греческом весьма закономерно, учитывая, что арумынское население представляют переселенцы не только из Мосхополя, но и из Грамоса¹. Таким образом они указывают на сохранение памяти о месте исхода.

(3) ΜΑΚΙΑ ΧΑΤΖΗ-ΛΕΓΑ. 1903–1994. Η ΜΝΗΜΗ ΣΟΥ Ο ΠΟΝΟΣ ΚΑΙ Η ΑΓΑΠΗ ΜΑΣ ΑΙΩΝΙΩΣ ΘΑ ΕΙΝΑΙ ΕΤΗΝ ΚΑΡΔΙΑ ΜΑΣ ΤΑ ΠΑΙΔΙΑ ΣΟΥ [Макия Хаджи-Легга. 1903–1994. Память о тебе, боль и наша любовь навечно будут в нашем сердце. Твои дети].

(4) ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ ΟΛΥΜΠΙΑ ΧΑΤΖΙ-ΛΕΓΑ. 1902–1965. ΕΖΗΣΕΝ ΒΙΟΝ ΕΝΑΡΕΤΟΝ ΚΑΙ ΑΞΙΟΠΡΕΠΗ ΗΓΑΠΑ ΟΛΟΥΣ

¹ Арумынское происхождение одной из усопших (3) было подтверждено нашими информантами. В других случаях усопшие потенциально могут иметь греческое происхождение.

ΜΑΣ ΥΠΕΡΒΟΛΙΚΑ ΚΑΙ ΚΑΘΗΜΕΡΙΝΟΣ ΕΘΥΣΙΑΖΕΤΟ ΔΙ' ΟΛΟΥΣ. ΑΝΑΠΑΥΟΥ ΕΝ ΕΙΡΗΝΗ Η ΜΝΗΜΗ ΣΟΥ ΘΑ ΜΕΙΝΗ ΠΑΝΤΟΤΕ ΜΕΤΑΞΥ ΗΜΩΝ ΚΑΙ Η ΨΥΧΗ ΣΟΥ ΘΑ ΕΙΝΑΙ ΠΑΝΤΑ ΟΔΗΓΟΣ ΜΑΣ. ΒΑΡΥΠΕΝΘΟΥΝΤΕΣ ΕΥΖΥΓΟΣ ΚΑΙ ΤΕΚΝΑ [Здесь могила Олимпии Хаджи-Лега. 1902–1965. Прожила добродетельную и достойную жизнь, любила нас всех чрезвычайно и ежедневно жертвовала собой ради всех. Покойся с миром, память о тебе всегда останется среди нас, и твоя душа всегда будет нашим путеводителем. Глубоко скорбящие супруг и дети] (см. ил. 1 на цветной вклейке).

(5) ΕΝΤΑΥΘΑ ΚΕΙΤΑΙ Ο ΤΑΦΟΣ ΤΟΥ ΙΩΑΝΝΟΥ ΡΟΥΦΑΚΗ (?) ΓΚΟΚΟΥ (?) ΕΓΕΝΗΘΗ ΤΩ 1858 ΚΑΙ ΑΠΕ ΒΙΩΣΕ ΤΩ 1895 ΤΗ ΑΠΡΙΛΙΟΥ ΚΡΟΥΣΟΒΟΝ 12 ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΥ [Здесь могила Иоанна Руфаки Гоку. Родился в 1858 году и умер в 1895 году в апреле. Крушево, 12 сентября].

Центральным объектом исследования выступают надгробные надписи на арумьском языке. Всего обнаружено 32 надгробия, одно в Маливиште, остальные в Битоле (24) и в Крушево (7); на кладбище в Нижеполе не обнаружено ни одного. С точки зрения графики среди зафиксированных надписей отсутствует какое-либо единство. Это обусловлено тем, что общепринятый алфавит для записи арумьского языка был разработан довольно поздно — на конгрессах во Фрайбурге и Битоле, в 1988 и 1997 гг. соответственно. Таким образом, специальная арумьская система графики используется лишь в половине зафиксированных надгробий. При этом только в единичных случаях встречаются надписи, в которых соблюдаются исключительно принципы специальной арумьской графики без привлечения элементов иноязычных графических систем:

(6) *Dimovski Angelina (1933–2022), Gjorge -Gogo- (1933–2020) / Di familia cu vreami shi tinjii* [Димовски Ангелина (1933–2022) Ѓеѓре -Гого- (1933–2020) / От семьи с любовью и тоской].

(7) *Pashanku Zagorka (1937–1960), Olga (1931–2001) Tashuli (1927–2016) / Di ficiorlji Valentina shi Dimitru — Dimi* [Пашанку Загорка (1937–1960), Ольга (1931–2001), Ташули (1927–2016) / От детей Валентины и Димитру — Дими].

Наиболее частотны случаи смешения графических принципов арумьской и сербской латиницы:

А. Использование графемы *š* (ср. с арум. *sh*):

(8) *Ploce di marmintsā / Familia Berberu / Milka (1933–2018), Mišu (1935–), Constandina (1906–1985), Tachia (1901–1982), Dumnica (1880–1964), Miha (1876–1937), Viktoria (1840–1909), Pitu (1834–1905)* [Могильная плита / Семья Берберу / Милка (1933–2018),

Мишу (1935–), Констандина (1906–1985), Такия (1901–1982), Думника (1880–1964), Миха (1876–1937), Виктория (1840–1909), Питу (1834–1905)].

(9) *Petrušeski Vanghu -Kubala-* (1943–2009) / *Di familja* [Петрушеска Вангю -Кубала- (1943–2009) / От семьи].

Б. Использование графемы *č* (ср. с арум. *c* — *ce, ci*):

(10) *Gako Trpče* (1907–1990) / *Di Gopeš* [Гако Трпче (1907–1990) / Из Гопеша].

В. Использование графемы *k* (ср. с арум. *c* — *ca, cã, co, cu / ch — che, chi*):

(11) *Pitovska Vasilija — Kika* (1929–2003), *Pitovski Vangel — Pitu* (1931–2006) / *Di familia* [Питовска Василия — Кика (1929–2003), Питовски Вангел — Питу (1931–2006) / От семьи].

В ряде случаев отмечается смешение арумынских и румынских орфографических принципов (выраженное, например, отсутствием графического обозначения /j/, что соответствует графической системе румынского языка):

(12) *Nane Nicola* (1911–1990), *Nula* (1921–1993) / *Ti pârinsilj-vârnoarâ dor tricut nu are / Di familia alor* [Нане Никола (1911–1990), Нула (1921–1993) / Тоска о родителях — вечна / От их семьи].

(13) *Unciu Nicea* (1884–1966), *Mandica Nicea* (1894–1972) / *Locul lișor* [Унчу Нича (1884–1966), Мандика Нича (1894–1972) / Пусть земля будет пухом].

Румынская графика также встречается для записи текста на арумынском языке:

(14) *Miha Cardula* (1892–1975), *Toma Cardula* (1932–), *Margarita Cardula* (1901–1975), *Malamatia Cardula* (1934–2000) / *Di anda s-fănârîsi eta, iaste dată: s-nu agrșești mumă și tată! Dorlu ti părinți iaste di tu inima și hicate, di tu soarte până tu moarte. Amintire cu mare dor, di fumeile alor* [Миха Кардула (1892–1975), Тома Кардула (1932–), Маргарита Кардула (1901–1975), Маламация Кардула (1934–2000) / С того момента, как ты появился на свет, возшло солнце: не забывай про родителей! Тоска по родителям наполняет сердце и печень, с рождения до смерти. В память с величайшей тоской от их детей].

Решение использовать румынскую графику при выполнении надгробной надписи не представляется возможным трактовать однозначно. На захоронениях до 1997 г., т.е. до окончательного утверждения арумынского алфавита на конгрессе в Битоле, румынскую орфографию можно объяснить отсутствием иного

образца для выполнения надписи — без использования славянских графических принципов. Однако в надгробной надписи (14), где смерть одной из усопших датируется 2000 г., также использована румынская графика. В данном случае можно выдвинуть две гипотезы: либо авторам надписи не были известны принципы новой арумынской графики, либо решение об использовании румынской графики было принято с целью отразить культурную связь с дакорумынским ареалом (т.е. современной Румынией).

Так или иначе, между арумынами и румынами отмечаются довольно тесные связи. Не утрачиваются они в значительной мере и за счет образования. Многие арумыны продолжают свое обучение в Румынии, чему способствует не только высокая степень близости языков, но и стремление получить образование в государстве — члене Европейского союза.

Существование связей между македонскими арумынами и румынами косвенно подтверждает и одно надгробие с сопровождающей надписью исключительно на румынском языке:

(15) *Aici se odihnesc / Vasilika G., Oluaka S., Nikolae și Fania* [Здесь покоятся / Василика Г., Олуака С., Николае и Фания].

В нескольких случаях обнаружена фузия латинской и кириллической графических систем (арумынского и македонского языков соответственно):

(16) *Петрушески Ѓорѓи — Ѓорѓо, Крстевска Д-р Снежана / Di familia cu vreari shi tinjii* [Петрушески Ѓеѓрги — Ѓеѓрго, Крстевска Д-р Снежана / От семьи с любовью и тоской].

(17) *Aoece arpaca* [ср. *ar(ă)pasă*] / *Želoso* [ср. *jilos*] *Tode Gramosli / R. 1894 / Šuja / Singo / Adijo* [Здесь покоится / Оплакиваемый Тоде Грамосли / Р. 1894 / Шуйя / Синго / Прощай].

Помимо непосредственного использования арумынского языка, еще одним способом отграничить себя от славянского населения служит использование латиницы для выполнения надписи на македонском языке (ил. 2). Примечательно, что один из информантов сначала определил надпись на македонском (с использованием латиницы) на одном из надгробий как выполненную на арумынском языке и осознал свою ошибку лишь после прочтения вслух содержания надписи:

(18) *Marija Ćurčievска (1906–1975) / Na sakanata sopruga i majka Mariguča / spomenot na tebe večno će živi vo srcata / na tvojo suprug Mitu, i tvoite sinovi, / ќerki, fnuci i ostali bliski rodnini* [Мария Чурчиевска (1906–1975) / Любимой супруге и матери Маригуче / память о тебе будет вечно жить в сердцах / твоего супруга Миту

и твоих сыновей / дочерей, внуков и остальных близких родственников];

(19) *Konstandina Przita (1896–1989) -Konstandina Isika- / Od snata i vnucite* [Констандина Прзита (1896–1989) -Констандина Исика- / От снохи и внуков].

(20) *Tuka počivaat / Gramosli Mihajlo (1903–1968), Kalipso (1903–1979)* [Здесь покоятся / Грамосли Михайло (1903–1968), Калипсо (1903–1979)].

Структура антропонимов на обследованных надгробиях, помимо имени и фамилии, может включать прозвище — явление, в целом очень распространенное для Македонии и, возможно, также свидетельствующее о происхождении усопшего. Так, на некоторых надгробиях фамилии и имена людей представлены в славянской форме, а прозвища по типу *Сута* (арум. Сотка), *Петурлу* (арум. Петр), *Сурдул* (арум. Глухой) (ил. 3) указывают на потенциально арумунское происхождение усопшего.

Языковые особенности

Ввиду специфики настоящей статьи мы не будем подробно останавливаться на собственно языковых особенностях надписей на арумунском языке. В то же время одна из зафиксированных грамматических особенностей напрямую связана с социолингвистическим аспектом исследования. Постпозитивный артикль мужского рода единственного числа встречается в исследуемых надписях в двух формах: *-ul* (как в дакорумунском ареале) и *-lu*:

(21) *Kosta Sterjovski (1896–1985) / Locul lișor* [Коста Стерьевски (1896–1985) / Пусть земля будет пухом];

(22) *Chirju Prenda (1890–1960), Androniki Prenda (1897–1965) / Loclu lișor* [Кирью Пренда (1890–1960), Андроники Пренда (1897–1965) / Пусть земля будет пухом].

Согласно Т. Капидану, в большинстве арумунских говоров определенный артикль мужского рода имеет форму *-lu*, в то время как более архаичная форма *-ul* свойственна арумунским говорам Албании, а также говорам сел Маловиште и Гопеш [Capidan 1932: 383–384]. Таким образом, в рамках надгробной надписи данной местности форма *-lu* оказывается одним из маркеров грамостянского происхождения усопшего.

Языковая политика

Большое значение для отражения этнической принадлежности усопшего имеют переходы, наблюдаемые в финалях антропо-

нимов. В рамках фамилии одной семьи можно проследить переход от финали *-ов/-ев* болгарского периода к финали *-овски/-евски* македонского периода и затем полную утрату славянской финали. Приведенные ниже примеры отражают как постепенную смену государственных режимов и языковой политики, так и процесс развития арумынского самосознания в рамках современной Македонии. На одном из надгробий этот процесс даже можно увидеть: изначально была нанесена фамилия *Прешески*, а затем последние буквы были стерты, соскоблены, и она приняла арумынскую форму *Преш* (31) (ил. 4). Ниже под одним номером даны примеры, относящиеся к нескольким надгробиям на одном семейном захоронении:

(23) *Гажу Христа (1920–1943), Гажу Пандора (1892–1981) / Последен дар од мајката* [Гажу Христа (1920–1943), Гажу Пандора (1892–1981) / Последний дар от матери];

Гажу Миха (1913–1976), Гажу Антула (1918–2015) / Последен дар од синовите [Гажу Миха (1913–1976), Гажу Антула (1918–2015) / Последний дар от сыновей];

Гажоски Христо (1945–1984) / Последен дар од сопругата и децата [Гажоски Христо (1945–1984) / Последний дар от супруги и детей].

(24) *Горги Михаилов (1875–1976), Михајлоска Лепосава (1912–1989), Михајлоски Миха (1915–2015) / Од фамилијата* [Горги Михаилов (1875–1976), Михайлоска Лепосава (1912–1989), Михайлоски Миха (1915–2015) / От семьи];

Михајлоски Васил (1952–2020) [Михайлоски Васил (1952–2020)].

(25) *Марија Моџан (1913–1990), Антон Моџан (1899–1987)* [Мария Моџан (1913–1990), Антон Моџан (1899–1987)];

Овде почива Леонида Моџан (1885–1970) / Од сопругата и синот Сака [Здесь покоится Леонида Моджан (1885–1970) / От супруги и сына Саки];

Моџаноски Сака (1922–1989) / Од сопругата со керките [Моджаноски Сака (1922–1989) / От супруги с дочерьми];

Овде почива Коста Моџан (1887–1967) [Здесь покоится Коста Моджан (1887–1967)].

(26) *Ovde pocivaat Dzodza T. Nane (1915–1970), Toma G. Nane (1882–1960), Koca T. Nane (1925–1971), Dominika T. Nane (1891–1971) / Posleden dar od soprugata, sestrite, cerkite so familijata* [Здесь покоятся Дзодза Т. Нане (1915–1970), Тома Г. Нане (1882–1960), Коца Т. Нане (1925–1971), Доминика Т. Нане (1891–1971) / Последний дар от супруги, сестер, дочерей с семьей];

Нанески Б. Кочо (1957–1976) / Последен дар од родителите и братот [Нанески Б. Кочо (1957–1976) / Последний дар от родителей и брата];

Нанески Благоја, Јелена [Нанески Благоя, Елена];

Нане Љубица (1931–1994), Димитар -Така- (1921–2011) / Од семејството Нане [Нане Љубица (1931–1994), Димитар -Така- (1921–2011) / От семьи Нане].

(27) **Ташески** Јелена (1938), Јанку (1932–1986) / Од сопругата / од фамилијата [Ташески Елена (1938), Јанку (1932–1986) / От супруги / от семьи];

Анастас **Таше** (1888–1973) / Од синот Јанко [Анастас Таше (1888–1973) / От сына Янко];

Тука почива Нико Анастас Таше (1927 — 22 VII 1946) [Здесь покоится Нико Анастас Таше (1927 — 22 VII 1946)].

(28) **Гогол** Сака (1926–2008), Олга (1938–2012) / Од синот со семејството [Гогол Сака (1926–2008), Ольга (1938–2012) / От сына с семьей];

Гоголоски Шула (1924–2000) -Шулка-, Лила Лега (1936) / Од сопругата [Гоголски Шула (1924–2000) -Шулка-, Лила Лега (1936) / От супруги];

Гоголски Мака (1928–2004), Елена (1936–2021) / Од сопругата [Гоголски Мака (1928–2004), Елена (1936–2021) / От супруги].

(29) **Трајчулевски** Киро (1920–1947), Тројун (1924–1947), Ванчо (1887–1934) / Споеникот го подигаат сопруга, брака и синовите [Трајчулевски Киро (1920–1947), Тројун (1924–1947), Ванчо (1887–1934) / Памятник воздвигли супруга, братья и сыновья];

Трајчулески Ристо (1929–2012), Дита (1931–2019) / Од семејството [Трајчулески Ристо (1929–2012), Дита (1931–2019) / От семьи].

(30) **Коста Хасану** (1882–1973) / Споеникот го подигаат сопругата Клеанта и синовите Така, Мако и Илчо [Коста Хасану (1882–1973) / Памятник воздвигнут супругой Клеантой и сыновьями Таким, Маком и Илчом];

Хасаноска Даница (1922–2006) / Хасаноски Стерја (1914–1983) [Хасаноска Даница (1922–2006) / Хасаноски Стерья (1914–1983)].

(31) **Прешеска** Фросина (1933–2009); Прешески Александар -Леко- (1927–2010), Даница (1934–2010) / Од семејството [Прешеска Фросина (1933–2009); Прешески Александр -Леко- (1927–2010), Даница (1934–2010) / От семьи];

Мака Преш (1908–1975), Теано Преш (1910–1994) / Од синот со фамилијата [Мака Преш (1908–1975), Тано Преш (1910–1994) / От сына с семьей];

Преш Мира (1935–2017), Геро (1932–20...) / Од семејството [Преш Мира (1935–2017), Геро (1932–20...) / От семьи];

Преш Тоду, Лефта / Од правнукот Кочо [Преш Тоду, Лефта / От правнука Кочи];

Прешески Наум (1941–2018) / Ратка (1947–) / Од семејството [Прешески Наум (1941–2018) / Ратка (1947–) / От семьи];

Милица Преши (1919–1947) / Саки Преш / Овде почиваат Преш [Милица Преши (1919–1947) / Саки Преш / Здесь покоятся Преш].

Впрочем, в одном случае удалось зафиксировать и переход от арумынского варианта к западнороманской финали -o: *Ghiaciu* > *Ghiacio*. Причины такого перехода в финали фамилии усопшего доподлинно неизвестны. Предположительно смена финали вызвана связью усопшего с одной из стран Западной Романии (ср. случай драматурга Эуджена Ионеску, известного всему миру за пределами Румынии как Эжен Ионеско).

(32) *Dan Ghiacio (1917–2004), Florica Ghiaciu (1908–1981), Fanca Macri- Ghiaciu (1883–1963)* [Дан Гиачо (1917–2004), Флорика Гиачу (1908–1981), Фанка Макри- Гиачу (1883–1963)].

Конечно, подобные изменения финалей в антропониме характерны не только для арумынских захоронений, но и для македонских в связи со сменой национального языка на данной территории¹.

Приведенные выше примеры подводят также к вопросу о порядке указания имени и фамилии в рамках полного антропонима. Можно заметить, что краткие арумынские формы фамилий ставятся в постпозиции по отношению к личному имени. Однако точный подсчет всех имеющихся надписей показал неоднозначные цифры и отсутствие закономерности.

Выводы

Таким образом, надписи на надгробиях исследуемых кладбищ отражают социолингвистическую ситуацию в Крушево и Битоле и позволяют проследить, какое место в ней занимают арумыны и арумынский язык. Очевидно, что македонский язык, обладая абсолютным престижем, оказывает сильное влияние

¹ Вопрос национальной политики в Королевстве Югославия и в период болгарской оккупации Македонии выходит за рамки настоящего исследования. См. об этом подробнее: [Ивановски 2002: 113].

на арумын, поэтому надписи на арумунском языке встречаются только эпизодически. В то же время нам удалось отметить достаточно высокий уровень этнического самосознания. Это выражается в использовании ряда иных способов обособить арумунскую традицию. Как показывают результаты полевой работы, люди придерживаются тех принципов выполнения надписи, которые соответствуют не только личным интенциям, но и политике церковной общины¹. Так, отвечая на прямой вопрос о том, кто определяет язык и графику могильной надписи, информанты говорили, что в Битоле в некоторых церквях встречается рекомендация использовать арумунский язык. Однако, поскольку большая доля арумын не владеет идиомом, они используют латинский алфавит для выполнения надписей на македонском с целью дистанцироваться от славян. Если же подобная рекомендация отсутствует, то используется понятная большинству кириллическая графика.

На арумунском языке нам встретилось лишь 32 надгробия в обследованных пунктах (в основном в городах Крушево и Битола), что подтверждает мысль о предпочтительности использования македонского языка по сравнению с арумунским во всех сферах жизни. Однако национальное самосознание арумын проявляется не только в использовании надписей непосредственно на арумунском языке, но и иными способами. Ряд арумунских надгробий, где надписи выполнены на македонском языке, можно отличить от македонских захоронений по нескольким признакам: указание влашских прозвищ, использование латинского алфавита для записи антропонимов и эпитафий, смешение кириллической и латинской графики. При этом незначительное число обнаруженных надгробных надписей на арумунском языке отражает процесс его постепенной утраты.

Благодарности

Работа осуществлялась по проекту РНФ № 22-18-00484-П «Славяно-неславянские пограничья: похоронно-поминальный обряд в этнолингвистическом освещении», руководитель А.А. Плотнокова <<https://rscf.ru/project/22-18-00484/>>.

Источники

[БЕР 2007] Георгиев В.И. и др. (сост.). Български етимологичен речник. София: Проф. М. Дринов, 2007. Т. 1. ХСV+679 с.

¹ Влашские священники зачастую проходят обучение на румынских теологических факультетах и в духовных семинариях ввиду доступности румынского образования для всего восточнороманского населения, в частности благодаря стипендии румынского государства для «румын отовсюду» <<https://www.edu.ro/romanii-de-pretutindeni>>.

[Службен весник 2009] Одлука за прогласување на духовното културно добро — «Аромански дијалект во Република Македонија» за културно наследство од особено значење // Службен весник на Република Македонија. 2009, 15 септ. Бр. 117. С. 25.

Библиографија

- Бошкоски М. Власите во Македонија од X до XII век // Киселиновски С., Димчев Д. (ред.). 36. на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за култура на Власите од Македонија; Ин-т за национална историја, 2002. С. 17–29.
- Варади Т., Прелић М. (ред.). Цинцари: културна размена, идентитет и наслеђе. Београд: Српска академија наука и уметности, 2023. 213 с.
- Голант Н.Г. Материалы по календарной обрядности румын (влахов) долины Тимока. Зимняя обрядность // Плотникова А.А. (отв. ред.). Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2014. Вып. 3: 2012–2014. С. 223–238.
- Голант Н.Г., Рыжова М.М. Влахи (румыны) восточной Сербии и Румынская православная церковь // ABYSS (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2020. № 2 (12). С. 71–81.
- Голант Н.Г., Струтинский И.М. Погребальная обрядность влахов (румын) долины Тимока. Обзор экспедиции в Восточную Сербию // Славяноведение. 2023. № 2. С. 125–135.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. К вопросу о происхождении этнонима «валахи» // Седакова И.А. (отв. ред.), Завьялова М.В. (ред.). Ономастика sub specie семиотики. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2024. С. 89–114.
- Ивановски В. Третманот на Власите за време на Бугарската окупација на Македонија 1941–1944 година // Киселиновски С., Димчев Д. (ред.). 36. на трудови од Меѓународниот научен симпозиум «Власите на Балканот», одржан на 09–10 ноември 2001 во Скопје. Скопје: Унија за Култура на Власите од Македонија; Ин-т за национална историја, 2002. С. 111–117.
- Јачева-Улчар Е. Презимето кај Македонците. Скопје: Менора, 2022. 187 с.
- Јосифовска М. Топонимијата на Крушевско. Скопје: Ми-Ан, 2019. 271 с.
- Кънчов В. Македония: Етнография и статистика. София: Бълг. книж. д-во, 1900. XXVII+VII+341 с. <http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b8.htm>.
- Марковиќ М. Анализа на ароманскиот текст во «Четиријазичникот на Даниил» // Алексоска-Чкатроска М. (ред.). Романистика и балканистика: 36. трудови во чест на проф. д-р Петар Атанасов по повод 75 години од животот. Скопје: Филол. ф-т «Блаже Конески», 2014. С. 465–474.
- Матковски А. Историја на Крушево и Крушевско. Од постановокот на градот до поделбата на Македонија. Крушево: Собрание на општина-та, 1978. Кн. 1. 347 с.
- Русаков А.Ю. Влахи // Большая российская энциклопедия: В 35 т. М.: Большая российская энциклопедия, 2006. Т. 5: Великий князь —

Восходящий узел орбиты. <<https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705>>.

Сикимич Б. Полевые исследования «влахов» в северо-восточной Сербии // Соболев А.Н., Русаков А.Ю. (отв. ред.). Актуальные вопросы балканского языкознания: Мат-лы междунар. науч. конф. СПб.: Наука, 2003. С. 85–96.

Bara M., Kahl T., Sobolev A.N. Die südarmunische Mundart von Turia (Pindos): Syntax, Lexik, Ethnolinguistik, Texte. München: Biblion Verlag, 2005. 489 S. (Materialien zum Südosteuropasprachatlas. Bd. 4).

Capidan T. Aromânii. Dialectul aromân: studiul lingvistic. București: Impri- meria Națională, 1932. X+576 p.

Djuvara D. Aromânii: istorie, limbă, destin. București: Humanitas, 2012. 248 p.

Goľqb Z. The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia SFR Yugoslavia. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press, 1984. 267 p.

Guia S. Elemente de dialectologie română. Iași: Vasiliana'98, 2014. 292 p.

Sorescu-Marinković A.M. The Vlachs of North-Eastern Serbia: Fieldwork and Field Methods Today // Symposia — Caiete de Etnologie și Antropologie. Craiova: Muzeul Olteniei, 2006. P. 125–142.

Šatava L. The Ethnolinguistic Situation of the Aromanians (Vlachs) in Macedonia: Young People in Kruševo as Indicators of Ethnic Identity and Attitude to the Language // Treatises and Documents: Journal of Ethnic Studies. 2013. Vol. 71. P. 5–26.

The Specificity of Inscriptions on Aromanian Tombstones in Macedonia (Sociolinguistic and Ethnocultural Aspects)

Ivan Kazakov

Institute of Slavic Studies, RAS
32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
ivan.kazakov.1999@gmail.com

Alexandra Chivarzina

Institute of Slavic Studies, RAS
32-A Leninskiy Ave., Moscow, Russia
a.chivarzina@inslav.ru

This study examines the linguistic features of epitaphs on tombstones in Vlach cemeteries in Kruševo, Bitola, and surrounding Aromanian villages in North Macedonia. The Balkans are known for their cultural diversity and intermarriage, which has led to the decline of Aromanian, a minority language spoken in the region. The epitaphs on these tombstones provide a glimpse into the sociolinguistic situation of Aromanians in this area. Field research found that

epitaphs in Aromanian are exceedingly rare, with only 32 such inscriptions identified. Despite their scarcity, these examples provide a unique opportunity to analyse the linguistic features of Aromanian while also highlighting the influence of other languages and cultures on its traditions. Macedonian, as the dominant and socially prestigious language today, exerts a particularly strong influence on Aromanian. At the same time, the epitaphs reflect a strong sense of ethnic identity among the Aromanians, who find alternative ways to preserve their cultural heritage. This is evident in the use of Vlach nicknames, the Latin alphabet for transcribing Macedonian names, and the blending of Cyrillic and Latin scripts. Church recommendations may influence the choice of language for epitaphs. The analysis of tombstone inscriptions sheds light on the complex processes of linguistic and cultural adaptation among Aromanians in contemporary Macedonian society.

Keywords: Aromanian language, Macedonian language, Macedonia, Kruševo, Vlachs, funeral and memorial rituals, epitaphs.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00484-II "Slavic-non-Slavic Borderlands: Funeral and Memorial Rites in an Ethno-Linguistic Light".

References

- Bara M., Kahl T., Sobolev A. N., *Die südaronumunische Mundart von Turia (Pindos): Syntax, Lexik, Ethnolinguistik, Texte*. München: Biblion Verlag, 2005, 489 S. (Materialien zum Südosteuropasprachatlas, Bd. 4).
- Boškoski M., 'Vlasite vo Makedonija od X do XII vek' [The Vlachs in Macedonia from the 10th to the 12th Century], Kiselinovski S., Dimčev D. (eds.), *Zb. na trudovi od Međunarodniot nauchen simpozium "Vlasite na Balkanot"* [Collection of Papers from the International Scientific Symposium "The Vlachs on the Balkans"], held on 9–10 November 2001 in Skopje. Skopje: Union for Culture of the Vlachs of Macedonia; Institute of National History, 2002, p. 17–29. (In Macedonian).
- Capidan T., *Aromânii. Dialectul aromân: studiul lingvistic*. București: Imprimeria Națională, 1932, X+576 p.
- Djuvara D., *Aromânii: istorie, limbă, destin*. București: Humanitas, 2012, 248 p.
- Goľab Z., *The Arumanian dialect of Kruševo in SR Macedonia SFR Yugoslavia*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts Press, 1984, 267 p.
- Golant N. G., 'Materialy po kalendarnoy obryadnosti rumyn (vlakhov) doliny Timoka. Zimnyaya obryadnost' [Materials on the Calendar Rituals of the Romanians (Vlachs) of the Timok Valley. Winter Rituals], Plotnikova A. A. (ed.), *Karpato-balkanskiy dialektnyy landshaft: yazyk i kultura* [The Carpatho-Balkan Dialect Landscape: Language and Culture]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Press, 2014, is. 3: 2012–2014, p. 223–238. (In Russian).

- Golant N. G., Ryzhova M. M., 'Vlakhi (rumyny) vostochnoy Serbii i Rumynskaya pravoslavnaya tserkov' [Vlachs (Romanians) of Eastern Serbia and Romanian Orthodox Church], *ABYSS (Voprosy filosofii, politologii i sotsialnoy antropologii)*, 2020, no. 2 (12), p. 71–81. (In Russian).
- Golant N. G., Strutinsky I. M., 'Pogrebnaya obryadnost vlahov (rumyn) doliny Timoka. Obzor ekspeditsii v Vostochnuyu Serbiyu' [Funeral Rituals of the Vlachs of the Timok Valley. Review of the Field Research in the Eastern Siberia], *Slavyanovedenie*, 2023, no. 2, p. 125–135. (In Russian).
- Guia S., *Elemente de dialectologie română*. Iași: Vasiliana'98, 2014, 292 p.
- Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N., 'K voprosu o proiskhozhdenii etnonima "valakhi"' [On the Question of the Origin of the Ethnonym "Vlachs"], Sedakova I. A., Zavyalova M. V. (eds.), *Onomastika sub specie semiotiki* [Onomastics sub specie Semiotics]. Moscow: Institute of Slavic Studies RAS Press, 2024, p. 89–114. (In Russian).
- Ivanovski V., 'Tretmanot na Vlasite za vreme na Bugarskata okupatsija na Makedonija 1941–1944 godina' [The Treatment of the Vlachs during the Bulgarian Occupation of Macedonia 1941–1944], Kiselinovski S., Dimchev D. (eds.), *Zb. na trudovi od Mežunarodniot nauchen simpozium "Vlasite na Balkanot"* [Collection of Papers from the International Scientific Symposium "The Vlachs on the Balkans"], held on 9–10 November 2001 in Skopje. Skopje: Union for Culture of the Vlachs of Macedonia; Institute of National History Press, 2002, p. 111–117. (In Macedonian).
- Jačeva-Ulčar E., *Prezimeto kaj Makedontsite* [The Surname among the Macedonians]. Skopje: Menora, 2022, 187 p. (In Macedonian).
- Josifovska M., *Toponimijata na Krushevsko* [The Toponymy of the Kruševo Region]. Skopje: Mi-An, 2019, 271 p. (In Macedonian).
- Känchov V., *Makedoniya. Etnografiya i statistika* [Macedonia. Ethnography and Statistics]. Sofia: Bulgarian Book Pub. House, 1900. XXVII+VII+341 p. <http://www.promacedonia.org/vk/vk_1_b8.htm>. (In Bulgarian).
- Marković M., 'Analiza na aromanskiot tekst vo "Chetirijazichnikot na Daniil"' [Analysis of the Aromanian Text in the "Lexicon Tetraglosson of Daniel"], Aleksoska-Chkatroska M. (ed.), *Romanistika i balkanistika* [Romanian and Balkan Studies]: A coll. of articles in honour of prof. Dr. Petar Atanasov on the occasion of 75 years of his life. Skopje: Filološki fakultet "Blaže Koneski", 2014, p. 465–474. (In Macedonian).
- Matkovski A., *Istorija na Krushevo i Krushevsko. Od postanokot na gradot do podelbata na Makedonija* [History of Kruševo and the Kruševo Region. From the Founding of the City to the Division of Macedonia]. Kruševo: Municipal Assembly Press, 1978, vol. 1, 347 p. (In Macedonian).
- Rusakov A. Yu., 'Vlakhi' [The Vlachs], *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]: in 35 vols. Moscow: Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya, 2006, vol. 5. <<https://old.bigenc.ru/ethnology/text/1918705>>. (In Russian).
- Sikimić B., 'Polevye issledovaniya "vlahov" v severo-vostochnoy Serbii' [Field Research on the "Vlachs" in North-Eastern Serbia], Sobolev A. N., Rusakov A. Yu. (eds.), *Aktualnye voprosy balkanskogo yazykoznavaniya*

- [Current Issues in Balkan Linguistics]: Proceedings of the International scientific conference. St Petersburg: Nauka, 2003, p. 85–96. (In Russian).
- Sorescu-Marinković A. M., ‘*The Vlachs of North-Eastern Serbia: Fieldwork and Field Methods Today*’, *Symposia — Caiete de Etnologie și Antropologie*. Craiova: Muzeul Olteniei, 2006, p. 125–142.
- Šatava L., ‘The Ethnolinguistic Situation of the Aromanians (Vlachs) in Macedonia: Young People in Kruševo as Indicators of Ethnic Identity and Attitude to the Language’, *Treatises and Documents: Journal of Ethnic Studies*, 2013, vol. 71, p. 5–26.
- Várady T., Prelić M. (eds.), *Tsintsari: kulturna razmena, identitet i nasleđe* [Aromanians: Cultural Exchange, Identity and Heritage]. Belgrade: Serbian Academy of Sciences and Arts, 2023, 213 p. (In Serbian).

Иллюстрации к статье Ивана Казакова и Александры Чиварзиной

Ил. 1. Захоронение семьи Хаджи-Лега. Влашское кладбище г. Крушево, Северная Македония, 2022 г. Здесь и далее фотографии Александры Чиварзиной

Ил. 2. Латиница в надгробной надписи на македонском языке. Влашское кладбище г. Битола, Северная Македония, 2023 г.

Ил. 3. Надгробна надпис, вклучувајќи прозвие Сурдул.
Новоe городскоe кладбище г. Крушево, Северная Македония, 2023 г.

Ил. 4. Захоронение семьи Преш. Влашское кладбище г. Крушево,
Северная Македония, 2022 г.